

Вячеслав ПЕЦУХ
писатель

Продолжаем публикацию словаря забытых слов, которые вспоминает Вячеслав Пецух

ОТЩЕПЕНЕЦ

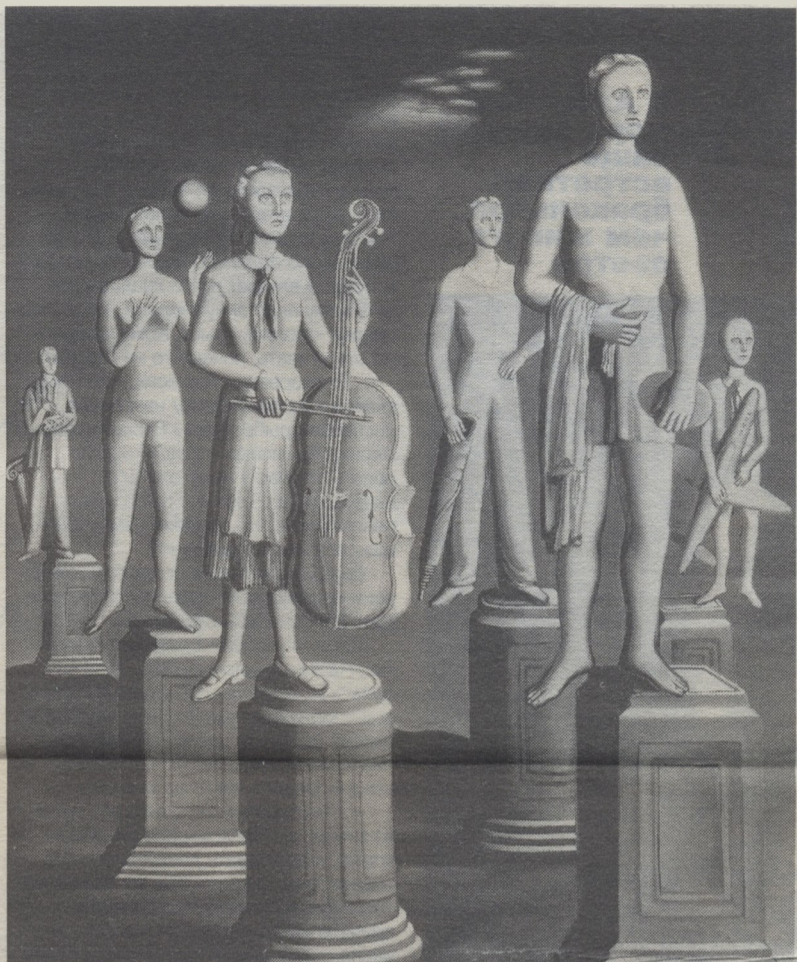
Бывают слова общеевропейские, бывают резко национальные – так вот существительное «отщепенец» глубоко наше, самое что ни на есть русское по той простой причине, что и такого понятия нет нигде. В Европе еще при Зеноне появились зачатки уважения к личности человека, и если кто отступал от генеральной линии поведения или развивал слишком свежие идеи, тот назывался «ренегат», «герой», «фрондер», а то и вовсе «оригинал». В России же, где личность человека испокон веков не ставится ни во что и где гражданская самостоятельность не приветствовалась никогда, определение «отщепенец» считалось даже и снисходительным, хотя подразумевало прямо антиобщественный элемент. До Владимира I Святого в «отщепенцах» у нас ходили христиане, после – язычники, москвичи, стакнувшиеся с татарами, еретики-нестяжатели, бояре, стоявшие за древние вольности, тушинцы, раскольники, «птенцы гнезда Петрова», Радищев с Новиковым, декабристы, народо-вольцы, социал-демократы, уклонисты, диссиденты и, наконец, окончательно и бесповоротно – культурное меньшинство.

Таким образом, «отщепенец» у нас скорее правило, нежели исключение, и значит, что-то неладно в Московском царстве, если тут что ни генеральная линия, то конгрегация «отщепенцев», а то и две. Даже так сразу не разберешь, где «отщепенец», где истинный патриот, особенно в наше время, когда в изгоях общества оказались те, кто по-прежнему читает книги, гнушается телевидением, этим аналогом фикусу и белке в клетке, и не любит свободы слова за отвратительные слова.

РОМАНТИКА

В сущности, понятие «романтика» обличает такое состояние психики, когда душа отторгает рутину жизни и требует неизведанности, преодолений, красивых неприятностей и прочей околорогики, к которой так тяготеют стремительные, но дюжинные умы. И ведь действительно скучно изо дня в день обтачивать болты, или стоять за прилавком, или ходить с метлой. Куда веселее, например, устраивать заговоры, грабить сберегательные кассы, путешествовать по амазонским топям, скрываясь, бродить по глухой тайге в поисках какого-нибудь менделевича и особенно открывать неизвестные острова. В свое время Денис Фонвизин наставлял эту публику: «Кто сам в себе ресурсов не имеет, то и в Париже проживет, как в Угличе»: не в коня корм.

Впрочем, по молодости лет «романтика» – это простительно и понятно, потому что душа-то рвется, а едва проклюнувшаяся мысль парит, потому что хочется жить не в Чертанове, а в палатке, за которой порывают медведи, пить чай густой, как чернила, пополам с комарами и назло Цельсию с Фаренгейтом разбивать за Полярным кругом яблоневые сады. То же самое касается общества: когда оно еще не перебилося, сами собой являлись революционные карты с четырьмя национальными гвардейцами вместо валетов, и Министерство ужасных дел сплошь драпирруется кучаком. В эту пору обыкновенные ценности бытия отступают на задний план, общество впадает как бы в истерику, и безвременная гибель на поле боя под какой-

Гриша Брускин. Монумены, 1983. Частная коллекция, Швейцария

забытые слова-III

Моск. новости 2003 - 12 мая - С.А.
нибудь Разуваевкой (скажем, во имя прогрессивной земельной реформы на острове Гренада) выглядит предпочтительней, чем прозябание в качестве сорняка.

Однако есть у этого феномена одна показательная сторона. Именно не может быть будущего у народа, если не отравлено «романтикой» каждое его новое поколение, если оно с молодых ногтей корыстно, практично и отнюдь не склонно к витанию в облаках. Пусть они потом идут хоть в кассиры, но прежде обязательно должны переболеть этим прекрасным беспокойством, иначе общество одичает, как колхозные коровы в голодный год. Во всяком случае, русское юношество, с головой занятое движением оборотного капитала, – это, сдастся, такая же аномалия, как дерущиеся женщины и страстно влюбленные старики.

Но вообще это поразительно, до чего мы, русские, – подвижная, переменчивая нация, способная на коренные метаморфозы, нимало даже не отвечающие на вопросы «с какой стати» и «почему». Не так давно кумиром нашей молодежи был революционер Рахметов, потом поэт Брюсов, потом революционер Павел Корчагин, потом глadioзный певец из города Мемфиса, но наши мамы нам еще говорили: «Учись хорошо, а то всю жизнь будешь ходить с метлой». Неизвестно точно, кого зачислила себе в кумиры современная молодежь, но почему-то кажется, что нынешние мамы иначе говорят, например, так: «Мой смей хорошо учиться, а то, не дай бог, вырастешь порядочным человеком и всю жизнь будешь ходить с метлой».

МЕЩАНИН

В старину «мещанами» называли обитателей городов из простонародья, и они составляли целое сословие наравне с купечеством и дворянством; общеевропейский аналог этому понятию – буржуа. Интересно, что и наше слово происходит от существительного «поселение», оно же «место», и общеевропейское от «поселения», оно же «бург».

Гораздо позже понятие «мещанин» приобрело обличительное значение, и этим именем принялись клеймить всячески убогое суще-

ство, погруженное в узкосемейные интересы, замечательное пошлыми наклонностями, низменными вкусами, неотзывчивое, сосредоточенное на себе. Правда, в отличие от «буржуа», наш «мещанин» никогда не был комически самодовольным, не считал свое отечество самой прекрасной страной на земле и твердо знал, что Наполеон – это не сорт пирожного, а император французов и негодяй.

В середине позапрошлого столетия Александр Иванович Герцен вывел, что, оказывается, итог исторического развития и цель всей европейской цивилизации – «мещанин». То есть что Пракситель ваял, Кромвель сражался, Лейбниц мыслил, Байрон писал стихи исключительно того ради, чтобы на земле развелось племя тупых, безвредных, законопослушных существ, которым в конце концов покорится мир. Это, конечно, обидно, хотя и не обидней того, что у моря бывают приливы и отливы, а Везувий возвышается и коптит. С другой стороны, от этих умников да героев сплошное беспокойство и ералаш.

Вот и у нас в России сей прискорбный итог если не налицо, то, по крайней мере, видим и ощутим. Вдруг как-то все обвалилось, испошилось, измельчало: литература, разговоры, театр с кинематографом, ориентиры, стиль общения, характеры – все дегенерировало до такой степени, что в результате мы получили неизвестную страну. Можно было подумать, что народ отравили или что нас кто-то незаметно завоевал, – а это мы на самом деле встали на общечеловеческую стезю. Тут уж ничего не поделаешь, коли таковы объективные требования общественного развития, как не поспоришь с законом сохранения вещества.

Что будет? А бог его знает, что будет, – может быть, через десять лет забудутся отчества и народ станет звать себя Сашками да Машками, а может быть, через поколение, через два все вернется на круги своя (у нас внуки всегда делали фронду дедам), и мы еще навитаемся в облаках.

Чем сердце успокоится? Разве тем, что вот все-таки была такая великая, страшная, прекрасная, поучительная страна.